

Лампочка уже давно перестала мигать и теперь вызывающе горела, а до ближайшей бензозаправки — четыре троллейбусных остановки. Глупо болтаться по городу, когда бензин на нуле, тут уж никто спорить не станет, а я тем более. Такое бывало нередко, и каждый раз мне везло, я успевала дотянуть до заправки. Надеюсь и сейчас, что и в этот раз мне повезет, но на всякий случай свернула с проспекта, чтобы сократить путь. Я оказалась на крохотной улочке с частными домами еще дореволюционной застройки, опять свернула, увидела здание Главпочтамта, огромное, с мощными колоннами, выкрашенными в нелепый ярко-розовый цвет, и тут везение неожиданно кончилось, машина дернулась и замерла.

— Приехали, — сказала я громко и даже с обидой, хотя обижаться было не на кого. Я вышла и заглянула в багажник, в надежде обнаружить канистру, хотя знала, что взяться ей там неоткуда. Последний раз я видела ее на даче, возле погреба, где скорее всего она до сих пор и валяется, если ее не свистнули, конечно.

Полминуты я пялилась в открытый багажник, затем с досадой захлопнула его и огляделась. Ни души. Движение здесь оживленным не назовешь, а сейчас, когда настигло невезение, можно быть уверенной: ни одной машины вообще не появится. Я машинально взглянула на часы: 18.40. Поднялся ветер, вроде бы накрапывал дождь, я поехала, подняв воротник плаща, и вернулась в машину, оставив дверь «шестерки» приоткрытой, вдруг все-таки кого-то угрождает свернуть в этот переулок... Словно в ответ на мои мольбы послышался характерный звук, и я выпорхнула из кабины, размахивая руками, но тут же приуныла: очам моим предстал «КамАЗ». Проехал вперед и остановился возле соседнего дома с огромным забором, из-за которого послышался лай по меньшей мере двух собак. Перекрикивая их, могучий дядька, спрыгнув на землю из кабины «КамАЗа», спросил:

— Чего случилось-то?

— Бензин кончился, — ответила я виновато.

— А канистра есть?

— Нет.

— Тогда плохи твои дела. Здесь заправка недалеко, могла бы дойти.

— Про заправку я знаю, — вздохнула я, приближаясь к нему. — А у вас канистры не будет?

— Канистра есть, но занята. Может, поедет кто, — сказал он без особой уверен-

ности и, пожав плечами, скрылся за калиткой, а я вернулась к своей «шестерке».

День с утра выдался хлопотный и, говоря по чести, не предвещал ничего хорошего, но такой пакости я все-таки не ожидала. Ко всему прочему неплохо было бы посетить туалет. Я огляделась и такового не обнаружила, что было совершенно неудивительно.

— Да, — вздохнула я, перегнувшись назад, с трудом дотянувшись до красной папки, лежавшей на заднем сиденье, раскрыла ее и принялась читать текст, торопливо перелистывая страницы. — Полное дерьмо, — сказала я через пять минут и отшвырнула папку, хотя ближе к обеду все написанное мною представлялось мне не только сносным, но даже чуть ли не гениальным. То есть такая мысль мелькнула на миг, но из скромности я посоветовала себе не увлекаться, как выяснилось, совершенно справедливо. Гениальностью даже не пахло. Двадцать страниц полного бреда. — Я никомушний журналист, — отчаянно заявила я, глядя на себя в зеркало, но тут же, забыв про самокритику, выпорхнула из кабины, потому что в переулке показались «Жигули» песочного цвета. Они остановились, а я, подойдя вплотную, увидела мужчину лет сорока пяти в кожаной кепке.

— Бензин кончился? — спросил он, глядя на меня без всякого одобрения. Я кивнула, чувствуя себя беглым каторжником, а

мужчина улыбнулся: — Внимательнее надо быть.

— Да я надеялась... — начала я. Мужчина вышел из кабины и направился к своему багажнику, я подхалимски трусила рядом.

Тут выяснилось, что канистры в его багажнике тоже нет, вроде бы это его удивило и повергло в размышления, он поскреб затылок, отводя от меня взор ясных глаз, а я с тоской подумала, что вечер явно не задался и мне здорово повезет, если я когда-нибудь выберусь из этого переулка. Мужчина, с минуту глядя в пустоту, вздохнул и достал трос.

— Так и быть, дотащу тебя до заправки.

— Спасибо, — задыхаясь от счастья, сказала я и юркнула в кабину, но особо на везение все же не рассчитывала: что, если трос лопнет или его машина не заведется?

Страхи мои оказались напрасными, через несколько минут мы уже въезжали на территорию заправки, песочные «Жигули» подтянули меня к колонке, а я со всех ног кинулась благодарить мужчину.

— Спасибо огромное, я боялась, что мне в этом переулке ночевать придется. — Я извлекла из кармана плаща деньги и протянула ему.

— Не надо, — отмахнулся мужчина. — Люди должны помогать друг другу...

— Конечно. Только...

— Не надо, — повторил он, убирая трос, затем, кивнув на мою «шестерку», спросил: — Год назад машину купили?

— Да. С рук. Ей пять лет, но она меня еще не подводила, если не считать бензин.

— «Жигули» машина хорошая... Моей вообще десять лет, и не жалею. Подлатаешь малость, и опять бегают... Мы машины в один день оформляли, я теперь вас вспомнил, вы еще с парнем были, высокий такой...

— Точно, — обрадовалась я.

— А я по номерам догадался, что в один день оформляли, а потом уж точно вспомнил — вы.

Я перевела взгляд на номер его машины и удовлетворенно кивнула. Мужчина был прав: у меня «Жигули» с номерами 126, а у него 127. Только я собралась сказать что-то приличествующее случаю, как услышала автомобильный сигнал. Увлечшись беседой, мы забыли, что на бензозаправку люди едут за бензином. Я бросилась к окошку платить, а когда вернулась, мой спаситель уже уехал.

— Мир не без добрых людей, — заметила я, чувствуя, как настроение у меня поднимается, а окружающая действительность приобретает розоватую окраску.

Выехав с заправки, я вновь взглянула на часы, бензин у меня теперь есть, и не худо бы заехать на квартиру. Сделать это я собиралась сегодня, но позднее, а теперь, если уж оказалась в этом районе...

Я уверенно свернула на Старую Мещан-

скую, вливаясь в поток машин, и даже что-то замурыкала под нос. Мое новое жилище мне очень нравилось, два года я снимала квартиру в одном из спальных районов, а несколько месяцев назад наконец-то купила свою. Нашла мне ее приятельница, работающая в фирме по продаже квартир. Можно считать, мне здорово повезло: дом почти в центре города, двухкомнатная квартира стоила копейки, ранее в ней проживали граждане, склонные к употреблению горячительных напитков, и эта страсть привела к трагедии: у них случился пожар, кое-как квартиру восстановили, но с мебелью и прочим возникли проблемы. Веселая семейка решила продать эту квартиру, а себе купить однокомнатную в пригороде, с тем, чтобы на вырученные деньги продолжать пить далее в свое удовольствие. Конечно, ремонт стоил мне сумасшедших денег, оттого и растянулся на полгода, зато теперь я нарадоваться не могла.

Я въехала во двор и подняла взгляд к окнам третьего этажа. Из кухонного окна пробивался слабый свет. Дверь в кухню застекленная, свет горит в прихожей, значит, Олег здесь. Очень хорошо, заодно договоримся о переезде.

С Олегом мы год назад познакомились у моей подруги, он занимался ремонтом квартир, оттого-то я и обратилась к нему, приобретая недвижимость. Ремонт закончился неделю назад, остались кое-какие мелочи: Олег обещал повесить карнизы, люстры и

подключить газовую плиту. В ближайший выходной я собиралась переезжать и очень надеялась, что он не откажет мне в помощи.

Оставив машину возле подъезда, я вприпрыжку поднялась на третий этаж и позвонила. Никто не открыл, за дверью ни шагов, ни шороха, вообще ни звука. Впрочем, Олег может стоять на стремянке, например, в гостиной (ее окна выходили на улицу) и открывать не торопится. Тут я подумала, что не обратила внимания, горел ли свет в окнах, когда я сворачивала во двор... И машины Олега я тоже не заметила. Впрочем, неважно, он мог попросту забыть выключить свет в прихожей, хотя человек он аккуратный и такого за ним не водилось.

Ощущая некоторую тревогу, я стала искать в сумке ключи, для этого пришлось спуститься к подъездному окну и как следует перетрясти все ее содержимое. Странно, тревога все нарастала. Не похоже, что в квартире кто-то есть, а свет в прихожей горит. Ну и что? Грабителям в моей квартире делать нечего, мебель вынести затруднительно, а больше там ничего нет.

— Чепуха, — сказала я, тряхнув головой, и подумала: «А не позвонить ли соседям?»

Из соседей я знала лишь пожилую женщину с первого этажа. Кажется, ее зовут Ирина Сергеевна, но ведь я даже не смогу объяснить, чего испугалась. Решительно направившись к двери, я еще раз позвонила, затем вставила ключ в замок, распахну-

ла дверь, шагнула и едва не закричала. Прямо посреди прихожей лежал мужчина, руки раскинуты в стороны, точно он собрался взлететь, голова запрокинута, так что его лица я не видела.

— Пьяный, — обалдело пробормотала я, даже не дав себе труда подумать, как этот тип мог войти в квартиру. Все еще не закрыв входную дверь, я сделала шаг, машинально взглянула на вешалку и увидела темный мужской плащ, чертыхнулась сквозь зубы, бормоча: — Точно, пьяный, — и направилась к мужчине с намерением выяснить, как он оказался на моем полу, но почти в ту же секунду сбилась с шага и вытаращила глаза, боясь, что немедленно упаду в обморок. Пиджак на мужчине был распахнут, белая рубашка залита кровью, а возле левого бока натекла целая лужица.

— О господи, — пробормотала я, схватила руку мужчины, она была еще теплой. В три прыжка я достигла телефона и набрала 03. — «Скорая»? Скорее, пожалуйста, тут мужчина лежит весь в крови... Старая Мещанская, дом три, квартира тридцать два. Пожалуйста...

— Что с ним случилось? — спросил женский голос без особого интереса.

— Откуда мне знать? — заорала я. — Говорю, он весь в крови.

— Я тоже не знаю, — проворчала женщина и спросила: — Он живой?

— Рука теплая, — пробормотала я. — Я только вошла... — В то же мгновение я

перевела взгляд на лицо мужчины и, не устояв на ногах, медленно сползла по стене на пол. — Только не это, — пробормотала я отчаянно.

— Что вы сказали? — спросила женщина, а я повесила трубку.

«Скорая» прибыла одновременно с милицией. Врач, высокая мощная женщина неопределенного возраста, взглянула на тело, поморщилась и заявила:

— Мертв.

Двое мужчин в милицейской форме ждали у порога.

— Что с ним? — спросил тот, что моложе. Несмотря на трагизм ситуации, вопрос показался мне невероятно глупым. Врач пожала плечами:

— Вскрытие покажет. Думаю, убит ножом или чем-то вроде ножа... ударили дважды, в грудь и в живот... Впрочем, я не патологоанатом. — Она резко развернулась и покинула квартиру, а мужчины прошли вперед, один замер возле трупа, другой подошел ко мне. Я сидела на полу, подтянув колени и уставясь в противоположную стену.

— Рассказывайте, — сказал тот, что стоял над трупом, а второй милиционер, взяв телефонную трубку, принялся куда-то звонить.

— Я пришла несколько минут назад. В квартире ремонт, я живу в Отрадном, а сюда заехала, чтобы проверить, как идет работа.

Открыла дверь, а он здесь лежит. Испугалась, позвонила в «Скорую», потом вам.

— Вас как зовут? — проявил интерес милиционер, оторвавшись от созерцания трупа.

— Алла... Друзина Алла Сергеевна.

— Очень приятно, — хмуро сообщил он. — А меня Иван Петрович, фамилия Соколов. Чем занимаетесь, Алла Сергеевна?

— Вообще-то, я журналист, работаю в местной «Вечерке». Правда, сейчас у меня отпуск, творческий. Пишу книгу.

— Детектив?

— Нет. Почему детектив? — испугалась я.

— Ну...

Второй милиционер повесил трубку и, повернувшись к товарищу, сообщил:

— Сейчас приедут... Значит, вы вошли, а он здесь лежит. Интересно. Это ваш знакомый? — Данный вопрос был для меня самым трудным, соврать я боялась, а отвечать правду очень не хотелось.

— Мы виделись, то есть я знаю, как его зовут. Но ему совершенно нечего делать в моей квартире.

— Не понял? — удивился милиционер, присаживаясь рядом с трупом, а Иван Петрович кивнул на плащ:

— Это его?

— Наверное, — пожала я плечами. — У меня такого точно не было.

— И никаких догадок, как человек попал в вашу квартиру? — не унимался молодой.

— Никаких. Я даже представить себе не могу...

— Довольно странно, не находите? — хмыкнул он. — Дверь была открыта?

— Нет. Заперта.

— Очень интересно. Выходит, у убитого был ключ? Иначе, как он смог войти?

— Не знаю. Я ему ключей не давала.

Иван Петрович стал проверять карманы плаща, это почему-то показалось мне отвратительным, и я отвернулась.

— Случайно не ваши ключи? — спросил он, протягивая два ключа на колечке. Я с трудом сглотнула, мне потребовалось полминуты, чтобы ответить:

— Да. Только я не знаю... — Я торопливо поднялась и, подойдя к тумбочке, выдвинула верхний ящик, он был пуст. — Запасные ключи лежали здесь, — отказываясь понимать, что происходит, пробормотала я, потерла лицо ладонями и тяжело вздохнула. — Дверь меняли, — сочла необходимым пояснить я. — Было четыре комплекта ключей. Один у меня, другой у Олега, еще один у подруги, а четвертый лежал здесь.

— Олег это ваш муж?

— Нет, он занимается ремонтом. Ключ ему необходим и... — Я вновь привалилась к стене, боясь, что лишусь чувств.

— Значит, ключи были в ящике, а потом каким-то образом оказались в кармане убитого? Интересно. Он вошел, отыскал ключи и сунул их себе в карман? Занятно, да?